

Эта книга посвящается моему брату Дэвиду, который переводил меня за руку через Уэст-Брод-стрит и научил делать балансирующие игрушки из старых вешалок. Это было так круто, что я никак не мог остановиться.

Я люблю тебя, Дэвид.

*На страданья у них был наметанный глаз.
Старые мастера, как точно они замечали,
Где у человека болит, как это в нас,
Когда кто-то ест, отворяет окно или бродит
в печали*.*

Уистен Хью Оден. В музее изящных искусств

*Мой старый пес тяжело умирал,
Так умирал, что весь двор дрожал.
Могилу ему серебром я копал,
На золотой цепи в яму спускал,
Все глядел на него, приговаривал:
«Кто хороший пес, кто хороший»**.*

Народная песня

Да, тут все хорошо.

Профессор Шарп, знаток сухих хлопьев

* Перевод П. Грушко.

** Перевод П. Кузнецовой.

Когда-то, не так чтобы очень давно, в маленьком городке Касл-Рок в штате Мэн появилось чудовище. В 1970 году оно убило официантку Альму Фрешетт; в 1971-м — женщину по имени Полин Тутэкер и старшекласницу Шерил Модии; в 1974-м — симпатичную девушку Кэрол Данбаджер; осенью 1975-го — учительницу Этту Рингголд; и, наконец, в декабре того же года — ученицу начальной школы Мэри Кейт Хендрасен.

Это был не вампир, не волк-оборотень, не безымянная тварь из зачарованных лесов или заснеженных пустошей; это был всего-навсего полицейский по имени Фрэнк Додд, страдавший психическим и сексуальным расстройством. Хороший парень Джон Смит разоблачил его с помощью своего рода магии, но Фрэнк Додд не стал дожидаться ареста и покончил с собой. Может быть, оно и к лучшему.

Конечно, у жителей Касл-Рока был шок, но все-таки радости было больше — радости, что чудовища, державшего в страхе их маленький городок, больше нет. Оно мертво, наконец-то мертво. Кошмар упокоился в могиле Фрэнка Додда.

Но даже в наш просвещенный век, когда родители в основном понимают, что детей надо беречь, чтобы ненароком не ранить их неокрепшую психику, где-то в Касл-Роке наверняка были мамы — или, может быть, бабушки, — пугавшие малышей, что если те будут капризничать и не слушаться старших, их заберет страшный Фрэнк Додд. И наверняка где-то были притихшие дети, в страхе глядевшие на темные окна с мыслями о Фрэнке Додде в черном блестящем дождевике, о Фрэнке Додде, который душил своих жертв... и душил... и душил...

Он где-то рядом, я прямо слышу бабушкин шепот под завывание ветра в каминной трубе и дребезжание старой крышки от кастрюли, приспособленной в качестве печной заслонки. Он где-то рядом, и если ты будешь вести себя плохо, он заглянет в окно твоей спальни совсем поздно ночью, когда в доме все спят — все, кроме тебя, — или, может быть, высунется из шкафа, с улыбочкой на губах, в одной руке — знак «СТОП», с которым он переводил детей через дорогу, в другой руке — бритва, которой он перерезал себе горло... так что тише, малыш... тише... тише.

Однако для большинства горожан все закончилось. Да, кому-то по-прежнему снились кошмары, и дети подолгу не могли уснуть, и опустевший дом Додда (его мать умерла от сердечного приступа вскоре после разоблачения сына) сразу же стали называть проклятым домом, к которому старались не подходить; но это были временные явления, неизбежные издержки цепи бессмысленных убийств.

Время шло. Миновало пять лет.

Чудовище умерло, сгинуло без следа. Фрэнк Додд разлагался в своем гробу.

Вот только чудовище не умирает. Оборотень, вампир, безымянная тварь с диких пустошей. Чудовище не умирает.

Летом 1980-го оно снова пришло в Касл-Рок.

* * *

В одну из майских ночей того года четырехлетний Тэд Трентон проснулся сразу после полуночи, потому что ему захотелось в туалет. Он встал с кровати и побрел, полусонный, к полоске белого света, что лился из ванной сквозь приоткрытую дверь. Он заранее, еще на ходу, приспустил пижамные штанишки, потом долго-долго мочился, спустил воду в унитазе и вернулся в постель. Забираясь под одеяло, Тэд увидел в шкафу чудовище.

Оно сидело, припав низко к полу, его мощные плечи вздымались над склоненной набок головой, глаза горели янтарным огнем. Странное, жуткое существо, получеловек-полуволок. Его янтарные глаза следили за Тэдом, когда тот сел на постели — в паху что-то сжалось в тугой комок, волосы на голове встали

дыбом, дыхание вырывалось из горла тоненьким ледяным свистом. Эти глаза хищно смеялись, глаза обещали страшную смерть и музыку криков, которых никто не услышит. Глаза чудовища, поселившегося в шкафу.

Тэд слышал его рокочущее рычание; чувствовал запах его дыхания, сладковатый душок мертвечины.

Тэд Трентон закрыл руками глаза, судорожно вдохнул и закричал.

Приглушенный возглас в соседней комнате — это папа.

Испуганный вскрик: «Что такое?» — в той же комнате — это мама.

Топот бегущих ног. Когда родители ворвались в детскую, Тэд выглянул в щелочку между пальцами и увидел, что чудовище никуда не исчезло: глядит на него, скалит зубы и как бы грозит, что да, мама с папой пришли, но они скоро уйдут, и тогда...

Зажегся свет. Вик и Донна Трентон бросились к кровати сына, встревоженно переглянулись поверх его белого как мел лица и застывших, широко распахнутых глаз, и мама сказала... нет, скорее рявкнула:

— Я же говорила, Вик, что три хот-дога ему многовато!

Папа сел на кровать, обнял Тэда за плечи и спросил, что случилось.

Тэд решил еще раз взглянуть на приоткрытую дверцу шкафа.

Чудовища не было. Вместо голодного зверя Тэд увидел две неровные стопки теплых одеял, которые Донна так и не удосужилась отнести в кладовую на третьем этаже. Они лежали на стуле, куда Тэд забирался, когда ему надо было взять что-нибудь с верхней полки в шкафу. Вместо лохматой треугольной головы, хищно и настороженно склоненной набок, он увидел своего плюшевого медвежонка, сидящего на одеялах. Вместо злых глаз, горящих янтарным огнем, — дружелюбные шарики из коричневого стекла, которыми его медвежонок смотрел на мир.

— Что случилось, Тэдди? — вновь спросил папа.

— Там, в шкафу, было чудовище! — крикнул Тэд и расплакался.

Мама тоже присела к нему на кровать, и они с папой принялись утешать его вместе. Привычный родительский ритуал. Они объяснили, что не было никакого чудовища, потому что чудовища есть только в сказках, а в жизни их нет; ему просто приснился страшный сон. Мама сказала, что иногда тени складываются в фигуры, похожие на злых персонажей из фильмов и комиксов, а папа уверил, что все хорошо и в их добром доме с Тэдом не может случиться ничего плохого. Тэд кивнул, соглашаясь, хотя знал, что это не так.

Папа ему объяснил, что в темноте все не такое, как при свете дня: две стопки из одеял запросто можно принять за сторбленные плечи, плюшевого медвежонка — за склоненную голову, а свет из ванной, отразившийся в стеклянных игрушечных глазах, придал им сходство с глазами настоящего, живого зверя.

— Теперь смотри, — сказал папа. — Смотри внимательно, Тэдди.

Тэд стал смотреть.

Папа сгреб одеяла в охапку и запихал их подальше вглубь шкафа. Тэд услышал, как звякнули вешалки. Наверное, они говорили о папе на своем вешалочном языке. Это было смешно, и Тэд чуть улыбнулся. Мама заметила эту улыбку и с облегчением улыбнулась в ответ.

Папа взял медвежонка и вручил его Тэду.

— И последнее, самое главное. — Папа изобразил церемонный поклон, рассмешив Тэда и маму. — Стул.

Он плотно закрыл дверцу шкафа и подпер ее стулом. Возвращаясь к кровати Тэда, папа по-прежнему улыбался, но его глаза были серьезны.

— Все в порядке, Тэд?

— Да, — ответил Тэд и все же заставил себя добавить: — Но там было чудовище, пап. Я его видел. Честное слово.

— Тебе *показалось*, что ты что-то видел. — Папа погладил Тэда по голове большой теплой рукой. — На самом деле никакого чудовища не было и быть не могло. Все чудовища — выдумки. Они бывают только в сказках или в фантазиях у тебя в голове.

Тэд посмотрел на папу, потом на маму и снова на папу — на их большие, любимые лица.

— Правда?

— Правда, — сказала мама. — А сейчас большой мальчик пойдет в туалет и пописает.

— Я уже ходил. Я поэтому и проснулся.

— Тогда сходи еще раз, — сказала мама, ведь родители никогда не верят ребенку. — Сделай мне одолжение.

И он пошел в туалет, и мама пошла вместе с ним и улыбнулась, когда он вытряхнул из себя пару капель.

— Вот видишь? Все-таки *надо было* сходить.

Тэд послушно кивнул. Вернулся в постель. Его укрыли. Поцеловали.

Но когда мама с папой собрались уходить, ему опять стало страшно. Страх накрыл его, как холодное покрывало, сотканное из тумана. Как саван, пропахший безнадежной смертью. *Ну пожалуйста*, подумал он, только эти два слова, и ничего больше: *Ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну пожалуйста*.

Наверное, папа уловил его мысли. Он обернулся, держа руку на выключателе, и повторил:

— На самом деле чудовищ не существует, Тэд.

— Да, папа, — отозвался Тэд, потому что в это мгновение папин взгляд сделался сумрачным и далеким, словно ему самому нужен был кто-то, кто его убедит. — Чудовищ не существует.

Кроме чудовища в моем шкафу.

Свет погас.

— Спокойной ночи, Тэд. — Мамин голос донесся из темноты, как дуновение тихого, ласкового ветерка, и Тэд мысленно закричал: *Осторожнее, мама, они едят женщин! Во всех фильмах чудовища хватают женщин, уносят их далеко-далеко и едят! Ну пожалуйста, ну пожалуйста, ну пожалуйста...*

Но родители уже ушли.

Четырехлетний Тэд Трентон остался один в темноте, весь напряженный, как перекрученные провода и детали металлического конструктора. Он лежал, натянув одеяло до самого подбородка, и со всей силы прижимал к груди своего плюшевого медвежонка. На стенах висели плакаты. Люк Скайуокер; щека-

стый улыбчивый бурундучок, стоящий на крышке блендера (ЕСЛИ ЖИЗНЬ ПРЕПОДНОСИТ ТЕБЕ ЛИМОНЫ, ДЕЛАЙ ИЗ НИХ ЛИМОНАД! — радостно призывал он); вся веселая братия из «Улицы Сезам»: Большая Птица, Берт и Эрни, Оскар и Гровер. Добрые домашние тотемы, добрая магия. Но снаружи выл ветер, с визгом носился по крышам, скользил по черным водосточным трубам. В эту ночь Тэд уже не уснет.

И все-таки провода потихонечку раскрутились, напряженные мышцы расслабились. Он почти задремал...

Его разбудил новый звук — не ночной ветер за окном, а ближе.

Петли на дверце шкафа.

Кри-и-и-и-и-и-и-и-и...

Этот скрип, такой тоненький и высокий, что его могли бы слышать, наверное, только собаки и маленькие мальчики, не спящие поздно ночью. Дверца шкафа медленно приоткрывалась сама по себе, словно мертвая пасть, разверзавшаяся в темноту — дюйм за дюймом, фут за футом.

И там, в темноте, снова было чудовище. Сидело, припав низко к полу, на том же месте, где раньше. Оно ухмылялось, глядя на Тэда, его мощные плечи все так же вздымались над склоненной набок головой, глаза горели все тем же янтарным огнем, пронизанным хищным, звериным коварством. *Они ушли, Тэд, как я тебе и говорил*, шептало оно. *Так всегда и бывает: они уходят. И тогда я возвращаюсь. Мне нравится возвращаться. Ты тоже мне нравишься, Тэд. Пожалуй, я буду теперь приходить к тебе каждую ночь, с каждым разом все ближе и ближе к твоей кровати... все ближе и ближе... пока однажды ты не услышишь мой рык совсем рядом. Ты не успеешь позвать маму с папой, я схвачу тебя раньше, чем ты закричишь, и я тебя съем, и ты будешь во мне навсегда.*

Завороженный липким тягучим ужасом, Тэд смотрел на чудовище в темном шкафу. В нем было что-то... почти знакомое. Что-то, что он почти знал. И это *почти узнавание* было страшнее всего. Потому что...

Потому что мной движет безумие, Тэд. Я уже здесь. И все время был здесь. Когда-то меня звали Фрэнк Додд, я убивал

женщин и, может быть, даже их ел. Я всегда где-то рядом, и я знаю, как взять свое. Я чудовище, Тэд, древний ужас, и скоро я тебя заполучу. Смотри, как я подбираюсь все ближе... и ближе...

Может быть, это и вправду был голос чудовища, свистящий шепот из шкафа. Может быть, это был голос ветра, завывавшего за окном. Только это не важно, совсем не важно. Тэд все равно различал каждое слово, слушал, парализованный ужасом, чуть ли не в полубомороке (но в ясном сознании), и не мог отвести взгляд от скрытого в сумраке оскаленного лица, которое почти знал. Этой ночью он точно уже не уснет. Может быть, он вообще никогда не уснет.

Но чуть позже, где-то между половиной первого и часом ночи — может быть, потому, что Тэд был еще маленьким, — он опять задремал. Сначала ему приснилось, что за ним гонятся большие лохматые звери с белыми зубами, а потом он погрузился в глубокий сон без сновидений.

За окном по-прежнему завывал ветер, вел ночные беседы с водосточными трубами. На небо взошел тонкий серп белой весенней луны. Где-то очень далеко, на тихом спящем лугу или в чаще соснового леса, истошно залаяла собака, но быстро умолкла.

А в шкафу Тэда Трентона нечто с янтарными глазами несло свою неусыпную вахту.

* * *

— Это ты переложил одеяла? — спросила Донна у мужа следующим утром. Она стояла у плиты и жарила бекон. Тэд в гостиной смотрел по телевизору детское шоу и ел «Звездочки». «Звездочки», как и все прочие хлопья от компании «Шарп», Трентоны получали бесплатно.

— Что? — спросил Вик, сосредоточенно изучавший спортивный раздел в газете. Как человек, родившийся и выросший в Нью-Йорке, он до сих пор не поддался лихорадке «Ред сокс», но уже получал мазохистское удовольствие от очередного неудачного выступления «Нью-Йорк метс» на старте сезона.

— Одеяла. В шкафу у Тэда. Они снова лежали на стуле. Стул опять был внутри, дверца снова была нараспашку. — Донна поставила на стол тарелку с горячим, еще шкварчащим беконом. — Это ты переложил одеяла обратно на стул?

— Нет, не я, — сказал Вик, переворачивая страницу. — Я, как моль, не терплю запаха нафталина и не бываю в шкафу.

— Очень смешно. Наверное, *он сам* их переложил.

Вик отложил газету и посмотрел на жену:

— Ты о чем, Донна?

— Помнишь, как он кричал ночью...

— Как такое забудешь! Я думал, он умирает. Думал, у него приступ.

Она кивнула.

— Ему показалось, что одеяла на стуле — это какое-то... — Она пожала плечами.

— Злое страшилище, — улыбнулся Вик.

— Да, вроде того. И ты дал ему медвежонка и убрал одеяла подальше в шкаф. Но сегодня, когда я зашла к нему в комнату, они снова лежали на стуле. — Она рассмеялась. — Я заглянула вглубь шкафа, и на секунду мне показалось...

— *Теперь* понятно, от кого он набрался таких фантазий. — Вик снова взял в руки газету и пристально посмотрел на жену. — Три хот-дога, ну-ну.

Позже, когда Вик уехал на работу, Донна спросила у Тэда, зачем он снова поставил стул в шкаф и навалил на него одеяла, если ночью они так его напугали.

Тэд посмотрел на нее, и его обычно живое, по-детски подвижное лицо показалось ей бледным, и строгим, и каким-то уж слишком взрослым. Перед ним на столе лежала раскрытая книжка-раскраска со «Звездными войнами». Он раскрашивал сценку в межзвездной кantine и как раз взял зеленый восковой мелок для Гридо.

— Это не я, — ответил он.

— Но, Тэд, если это не ты, и не папа, и *уж точно* не я...

— Это чудовище, — сказал Тэд. — Чудовище из моего шкафа. Он снова склонился над своей раскраской.